

А. Бѣлослюдовъ.

Киргизскія сказки.

Три брата.

Было у одного киргиза три сына. Помирая отецъ за-вѣщалъ сыновьямъ ходить на его могилу по очереди три дня. Схоронили отца. Старшій сынъ не идетъ: „Что я пойду его мертвѣго караулить?!“ Пошелъ младшій сынъ. Сидитъ. Ночью отецъ вышелъ и спрашиваетъ: „Это ты, мой старшій сынъ?“— „Нѣтъ, я самый младшій“. Слышитъ топотъ. Прибѣжалъ рыжій конь, вся сбруя въ серебрѣ, на сѣдлѣ дорогая одежда лежитъ. Отецъ велѣлъ сыну изъ хвоста у коня волосъ выдернуть и отпустить его. „Когда надо будетъ, зажги волосъ, рыжка прибѣжитъ къ тебѣ“.— сказалъ отецъ и легъ опять въ могилу. Рыжка убѣжалъ. Пришелъ утромъ младшій сынъ домой. Стали его братья спрашивать, что накараулилъ. „Ничего, говорить, не видалъ“. На другой день очередь среднему идти. „Что я пойду его мертвѣго караулить!“ говоритъ средній сынъ, и не пошелъ. Младшій опять пошелъ. Опять ночью вышелъ отецъ, спросилъ, кто его караулитъ. Прибѣжалъ вороной конь. Выдернулъ у него изъ хвоста младшій сынъ волосъ и отпустилъ. Отецъ опять легъ въ могилу. На третью ночь вынесъ отецъ изъ могилы младшему сыну скатерть и сказалъ: „Если что тебѣ надо будетъ, скажи и разстели скатерть,—все будетъ. За то, что братья твои не приходили меня караулить, будутъ они бѣдными, а ты будешь богатымъ. Спряталъ младшій сынъ скатерть; пришелъ утромъ домой,—братья смѣются надъ нимъ.

Пронесся вскорѣ кличъ по стени, что ханъ свою дочь замужъ выдать хочетъ, выдастъ же за того, кто отъ нея кольцо получить. А ханъ сдѣлалъ высокую избу, семь избъ, изба на избѣ, и посадилъ на верхъ дочь свою. По-

ѣхали братья на своихъ коняхъ, сталъ младшій братъ проситься, они не взяли его. Остался онъ дома, зажегъ рыжкинъ волосъ, прибѣжалъ рыжка. Одѣлся онъ въ дорогое платье, которое было на сѣдлѣ, сѣлъ на рыжку, два раза плетью ударилъ и обогналъ братьевъ. Разбѣжался рыжка, прыгнулъ,—чуть до ханской дочери не допрыгнулъ. Въ другой разъ ханъ кличь кликнулъ. Пѣхали опять братья. Сталъ младшій проситься, они не взяли его. Уѣхали братья. Сталъ онъ вороной волосъ жечь,—прибѣжалъ воронко. Одѣлъ онъ дорогое платье, сѣлъ на воронка, одинъ разъ ударилъ плетью, обогналъ братьевъ. Разбѣжался воронко, прыгнулъ,—и допрыгнулъ. Ханская дочь одѣла молодцу на руку кольцо и велѣла палець тряпочкой обвязать, чтобы никто у него кольца не увидалъ,—не украсть.

Пришло время свадьбы; съѣхался весь народъ, стали искать у кого кольцо,—ни у кого нѣтъ. Велѣла ханская дочь позвать младшаго брата изъ троихъ. Пришелъ онъ въ лохмотьяхъ, кольцо на рукѣ тряпочкой повязано. Выдалъ ханъ за него свою дочь, но не сталъ ее съ нимъ въ своемъ домѣ держать, построилъ имъ худенькую избушку, и стали они въ ней жить. Захворалъ разъ ханъ,—призвали бахсу. Велѣлъ бахса самого большого дикаго ямана поймать и мясомъ его кормить хана. Сталъ ханъ охотниковъ искать,—ямана поймать. Вызвались два брата. Далъ ханъ имъ коней самыхъ лучшихъ. Зять тоже сталъ проситься,—далъ и ему ханъ лошаденку. Поѣхали братья, младшій отсталъ. Биль, биль, онъ свою лошадь, разозлился, схватилъ ее за хвостъ и убилъ, шкуру снялъ, а мясо собакамъ бросилъ. Зажегъ волосъ, прибѣжалъ рыжка. Сѣлъ онъ на рыжку, а тотъ ему и говорить: „Крѣпче держись, какъ нагоню я ямана, ты хватай его за шею и держи, не удержишь,—убьетъ онъ насъ“. Бѣжалъ, бѣжалъ рыжка,—прибѣжалъ, гдѣ яманъ пасется, разбѣжался прямо на ямана, да возлѣ него, а ханскій зять схватилъ ямана за шею да и поволокъ. Добѣжалъ онъ съ яманомъ до рѣки,—остановился. Досталъ скатерть, которую отецъ ему далъ, раскинулъ, и **тогда передъ нимъ богатая юрта появилась.**

Бдутъ братья, видятъ юрта стоитъ, а у юрты яманъ. Подѣхали, не узнали брата въ дорогихъ одеждахъ, стали у него ямана торговать. „Если по мизинцу мнѣ дадите

тогда возьмите" — сказалъ онъ имъ. Братья подумали, подумали: „рукава долги, рукъ не видать“. Взяли отсѣкли по мизинцу. Взялъ онъ, отдалъ имъ ямана, а пальцы завернулъ въ тряпку и положилъ въ карманъ. Уѣхали братья. Собралъ онъ скатерть, — исчезла юрта. Съѣлъ онъ на рыжку, поѣхалъ; возлѣ аула отпустилъ рыжку, а самъ идетъ да за баранами бѣгаетъ, ловить. Народъ смѣется. Пришелъ домой, жена сердится. „Лошадь у меня худая была, — говорить, — а то бы я поймалъ“. Съѣлъ ханъ ямана, — не поправился. Повзвали опять бахсу. Бахса сказалъ, что надо поймать гусей красныхъ — золотыя крылья, ими хана кормить. Братья опять вызвались, — съѣли на коней и уѣхали. Зять опять сталъ проситься. Велѣлъ ханъ дать ему лошаденку. Выѣхалъ онъ за аулъ, убилъ ее, ободралъ шкуру, мясо собакамъ бросилъ. Зажегъ вороной волосъ, — прибѣжалъ воронко. Съѣлъ на воронку, поѣхалъ на море. Приѣхалъ къ морю, поймалъ двухъ гусей красныхъ — золотыя крылья, поѣхалъ обратно. Остановился на дорогѣ, досталъ скатерть, развернулъ, — опять появилась юрта. Братья ѣдутъ, — опять не узнали его, стали гусей торговать. „Давайте я вамъ на курдюки влейма наложу, тогда отдамъ“. Братья согласились. Уѣхали братья. И онъ приѣхалъ. Убилъ на падали двухъ сорокъ и тащить. Народъ смѣется. Жена опять сердится, а онъ опять говоритъ, что ему худую лошадь дали. Съѣлъ ханъ гусей. Бахса велѣлъ еще поймать кобылу съ сорока жеребятами, у которыхъ гривы золотыя, а хвосты серебрянныя, кумысомъ отъ этой кобылы хана поить. Опять братья вызвались. И зять на лошаденкѣ поѣхалъ. Выѣхалъ за аулъ, — содралъ кожу, мясо собакамъ бросилъ. Зажегъ вороной волосъ. Воронко прибѣжалъ и велѣлъ ему покрыть его тремя шкурами: „кобыла будетъ кидаться три раза, шкуры рвать на мнѣ, — устанетъ, тогда можно будетъ поймать ее“. Съѣлъ онъ на воронку, поѣхалъ. Поймалъ кобылу золотую гриву — серебряный хвостъ, жеребята сами за ней побѣжали. По дорогѣ опять остановился, раскинулъ скатерть. Братья ѣдутъ, видятъ юрта, а у юрты кобыла съ жеребятами. Подѣхали, опять не узнали брата, стали торговать. Онъ продалъ имъ кобылу съ жеребятами за указательные пальцы. Поѣхали братья. А онъ слѣдамъ за ними къ хану на воронкѣ прискакалъ, и не спрашиваясь никого

пошелъ прямо къ хану. Тотъ его спрашиваетъ, кто онъ та кой и зачѣмъ пришелъ. „А я тотъ, кто тебѣ ямана поймалъ, цару гусей красныхъ золотыя—крылья, кобылу и сорокъ жеребятъ золотыя гривы—серебрянныя хвосты“.—„Нѣтъ, не ты поймалъ, а вотъ они двое“.—сказалъ ханъ и указалъ на его братьевъ. „Это я имъ все передалъ: у меня отъ нихъ четыре пальца есть, за ямана да за кобылу съ жеребятами, а за гусей я имъ тавро наложилъ“.—сказалъ младшій братъ. Тогда ханъ узналъ его, позвалъ его къ себѣ жить, и послѣ себя ханомъ сдѣлалъ. Ханъ сталъ богатымъ, а братья бѣдняками остались, какъ отецъ говорилъ.

Девять глупыхъ и одинъ умный.

Жили девять человекъ глупыхъ, лѣнивыхъ; рядомъ съ ними жилъ умный, трудолюбивый человекъ,—онъ пасъ баранъ. Разъ порвался у него сапогъ, пошелъ онъ къ сосѣдямъ и попросилъ ихъ погнать его скотъ, пока онъ сапогъ починяетъ. Цѣлый день бѣгали они за скотомъ, весь скотъ разгоняли, домой пригнать не могли. Починилъ пастухъ сапогъ и пошелъ назавтра скотъ розыскивать, но не нашелъ ни одной скотины: всѣхъ волки поѣли. Видитъ онъ идутъ шесть верблюдовъ, у всѣхъ у нихъ головы бѣлыя, онъ поймалъ ихъ, всѣмъ вымочилъ головы кровью и стали головы у нихъ красны. Вдетъ человекъ по полю, увидалъ пастуха, подѣхалъ и спрашиваетъ, не видалъ ли онъ верблюдовъ съ бѣлыми головами. „Нѣтъ,—говоритъ—не видалъ“. Человекъ уѣхалъ, а пастухъ пригналъ шесть верблюдовъ къ ночи домой. Сосѣди его спрашиваютъ: „гдѣ взялъ?“—„А вы скотъ мой разогнали, его волки поѣли, я по степи ходилъ, кости собралъ, на базарѣ продалъ, себѣ верблюдовъ купилъ“. Сосѣди весь свой скотъ перебили, кости очистили и понесли на базаръ, но продать костей не могли, только народъ насмѣшили. Вернулись они домой и со злости убили у пастуха мать. Поплакалъ, поплакалъ пастухъ, но дѣлать нечего: одному съ женою не справиться. Одѣлъ онъ свою мертвую мать невѣстой, поса-

дичь на быка и повезь, а самъ шило вязать. Вдеть мимо ауда, увидали въ аулѣ дѣвки, что невѣсту везеть, побѣжали къ нему. Онъ имъ кричить, чтобъ не подбѣгали близко потому что быкъ пугливый. Но одна бойкая дѣвушка не послушалась его и подбѣжала близко, тогда онъ ударилъ быка въ бокъ шиломъ, — быкъ кинулся въ сторону и уронилъ съ себя его мертвую мать на землю. Пастухъ кинулся къ невѣстѣ, принялся плакать и кричать, что невѣсту его убили. Весь аулъ собрался. Родители дѣвушки, напугавшей быка, испугались, и отдали виновницу пастуху взамишь убитой. Пастухъ мать свою похоронилъ и вернулся съ невѣстой обратно. Сосѣди стали спрашивать его, гдѣ онъ дѣвушку вязалъ. „А вы мать мою убили, она старая была, вязать, вышивать хорошо умѣла, я свезъ ее на базаръ и промѣнялъ. Тамъ и за мертвыхъ старыхъ молодыхъ мѣняютъ: старые люди нужны вязать, вышивать, а молодые еще не умѣютъ, узоровъ не знаютъ“. Всѣ девять сосѣдей убили своихъ матерей и повезли на базаръ. Но на базарѣ не только не промѣняли, но едва сами живыми убѣжали. Прибѣжали домой, и чтобъ отомстить подожгли у пастуха избу. Сгорѣла изба. Пастухъ взялъ мѣшокъ, набралъ въ него углей и понесъ. Дорогой встрѣтилъ человѣка, который гналъ корову съ теляткомъ. Человѣкъ этотъ увидѣлъ пастуха и спросилъ его, что онъ несетъ. „Золото“ — сказалъ пастухъ и позвенѣлъ въ мѣшкѣ углями. „Продай корову?“ — Человѣкъ продалъ ему корову. Пастухъ передавая мѣшокъ съ углями сказалъ: „Сегодня только не смотри въ мѣшокъ, а завтра утромъ встань, умойся, Богу помолись, тогда посмотри.“ Взялъ человѣкъ мѣшокъ, позвенѣлъ углями и вернулся обратно. Пригналъ пастухъ домой корову съ теляткомъ, а сосѣди спрашиваютъ его, — гдѣ вязалъ? „А ж углей набралъ, на базарѣ продалъ, да вотъ и купилъ корову.“ Сожгли сосѣди свои избы, набрали углей и пошли на базаръ, но надъ ними тамъ только посмѣялись. Вернулись они обратно, и рѣшили пастуха убить. Поймали они его, привязали къ березѣ, а сами ушли дровъ собирать, чтобъ костеръ разложить и его сжечь. Видя пастухъ, — вдали старикъ баранъ гонитъ, сталъ ему кричать. Старикъ подошелъ. „Дѣдушка, вотъ у меня сильно спина болѣла, я привязалъ себя, чтобъ спина не болѣла, къ бе-

резь, теперь она у меня не болит, отвяжи меня". Старик отвязал, да и говорит: "У меня спина тоже болит, привяжи-ка меня". Пастухъ привязалъ его къ березѣ, а самъ взявъ всѣхъ баранъ угналъ къ себѣ домой. Пришли сосѣди, принесли хворостъ, разложили костеръ и сожгли старика. Сколько онъ ихъ не увѣрялъ, что онъ не пастухъ, не умолялъ — не повѣрили. Рѣшили что пастухъ, старикомъ прикинулся. Вернулись домой и стали спорить, кому изъ нихъ должна достаться жена пастуха. Смотрятъ, а онъ гонитъ стадо баранъ домой. Стали они его спрашивать, откуда онъ, и откуда у него баранъ столько? Вы меня сожгли, я полетѣлъ вмѣстѣ съ дымомъ да въ воду упалъ, тамъ моя мать, братья живутъ, у нихъ скота много, они мнѣ немного дали. Вашихъ отцовъ, матерей и братьевъ я тамъ видѣлъ, они богаче еще моихъ живутъ. "Гдѣ они живутъ покажи намъ". — стали просить его сосѣди. На завтра онъ угналъ овецъ на крутой берегъ, надъ омутомъ, повелъ туда своихъ сосѣдей и показалъ имъ отраженіе овецъ въ водѣ. «Прыгай, говоритъ, кто нибудъ. Только прутьъ возьми. Если много тамъ овецъ и трудно ихъ гнать будетъ, такъ пруткомъ махай". Взялъ одинъ изъ девяти пруть и спрыгнулъ. Завертѣло его въ омутъ такъ, что только прутьъ замахалъ. Другой соскочилъ, помогать баранъ гнать и тоже пруткомъ замахалъ. Такъ всѣ девять попрыгали въ омутъ и утонули.

Алдаръ-Госе.

Шелъ Алдаръ-Госе степью и нашелъ баранью лопатку. Пришелъ къ киргизу и выпросился пожевать. Увидалъ у киргиза мясо, и говоритъ: "У меня мясо есть, можно вмѣстѣ съ твоимъ положить?" — "Лежи" — говоритъ хозяинъ. "А твое мясо мое мясо не съѣсть?" — "Не съѣсть", — роворитъ хозяинъ. Положилъ Алдаръ-Госе оглоданную лопатку въ мясо. Утромъ досталъ Алдаръ-Госе оглоданную лопатку и закричалъ, что хозяйское мясо у него мясо съѣло. Рѣшилъ Алдаръ-Госе въ волость идти. Хозяинъ испугался и

икъ далъ ему туктушку. Пошелъ Алдаръ-Госе дальше, и выпро-
ри- сился опять ночевать, а самъ хозяина спрашиваетъ: „А
мъ твои бараны мою туктушку не съѣдятъ?“—„Зачѣмъ съѣ-
сѣ- дятъ, не съѣдятъ,“—говорить хозяинъ. Ночью Алдаръ-Госе
та- всталъ, туктушку зарѣзалъ, мясо спряталъ, кости разбро-
сѣ- салъ, овчину растрепалъ, девяти баранамъ кровью рты вы-
мъ- мазалъ. Утромъ Алдаръ-Госе сталъ туктушку искать. На-
шѣ- шелъ овчинку, кости и началъ кричать, что его туктушку
чо- бараны съѣли. Стали баранъ осматривать: девять баранъ
у- ъли. Отдалъ хозяинъ этихъ баранъ Алдаръ-Госе. Погналъ
пи- онъ ихъ. Видитъ дѣвочку хоронять. Подошелъ онъ и сталъ
сѣ- просить, чтобъ ему ее за баранъ отдали. Отдали ему мерт-
ф- вую, онъ положилъ ее въ мѣшокъ и пошелъ дальше.
сѣ- Идетъ и видитъ, — человекъ землю пашетъ на четырехъ
сѣ- быкахъ. Алдаръ-Госе идетъ мимо. Человекъ его спросилъ:
сѣ- „Куда пошелъ?“—„Свадьбу смотреть. Вонъ за той горой.
у- Хочешь, сходи посмотри, а я попащу“,—отвѣтилъ Алдаръ-
о- Госе. Любопытный побѣжалъ, а Алдаръ-Госе сталъ пахать.
н- Какъ только человекъ скрылся за горкой, Алдаръ-Госе
б- отрѣзалъ всѣмъ быкамъ хвосты и заткнулъ въ землю, а
сѣ- быковъ отпустилъ; они убѣжали. Пришелъ любопытный
сѣ- Алдаръ-Госе говорить: „Сталъ я быковъ погонять, а они
е- въ землю ушли“. Человекъ хотѣлъ за хвостъ дернуть, но
б- Алдаръ-Госе остановилъ его и сказалъ: „Оборвешь хвостъ,
тѣгда быкъ соевѣтъ въ землю и уйдетъ: надо выкапывать“.
Сталъ человекъ быковъ выкапывать, а Алдаръ-Госе тѣмъ
временемъ ушелъ. Копалъ, копалъ, разсердился, дернулъ
за хвостъ:—быкъ въ землю ушелъ. Такъ всѣ четыре быка
въ землю ушли. Алдаръ-Госе пришелъ въ аулъ и выпро-
сился ночевать. Зашелъ и видитъ дѣвочки спать. „Я поло-
жу съ ними свою дочь? Она у меня ужъ спитъ?“—говорить
„Ложь“ говоритъ хозяинъ, да они не задавятъ ее“.—„Нѣтъ
нѣтъ, не бойся“—говоритъ хозяинъ. Утромъ встали. Алдаръ
Госе закричалъ, что у него дочь задавили. Хозяинъ испу-
гался и отдалъ ему одну живую на выборъ. Алдаръ-Госе
посадилъ ее въ мѣшокъ, принесъ домой, повѣсилъ этотъ
мѣшокъ съ дѣвочкой на косякъ юрты, а самъ ушелъ. При-
шелъ безъ него въ юрту рыжий человекъ (Джерешпе) вы-
нулъ дѣвочку и отдалъ отцу, а въ мѣшокъ посадилъ крас-
ную собаку (у дѣвочки волосы были красные). Алдаръ-

Госе пришелъ, развязалъ мѣшокъ, хотѣлъ дѣвочку въ мѣшокъ поцѣловать, а его собака какъ схватить за лицо.

Джеренше.

Джеренше пасъ лошадей у хана. Разъ убѣжали у него лошади, онъ поѣхалъ ихъ искать. Ыдетъ и видитъ, дѣвушка дрова собираетъ. Спросилъ онъ ее, куда ему лучше поѣхать: двѣ дороги было. „Такъ поѣдешь, дальше, но ближе будетъ,—а этакъ поѣдешь, ближе, но дальше будетъ“—отвѣтила ему она. „Какъ такъ ближе да дальше будетъ?“—спросилъ Джеренше. «А тутъ грязь будетъ». — «А гдѣ ты живешь?»—спросилъ Джеренше. „А живу я въ той юртѣ у которой сорокъ дыръ“. Нашелъ Джеренше юрту и высваталъ дѣвушку за себя. Она была красивая. Ханъ увидалъ ее и сталъ придумывать, какъ бы Джеренше извѣсти, а себѣ ваять. Позвалъ онъ Джеренше да и говорить: „Сшишь мнѣ сапоги изъ камня.“ Пришелъ Джеренше домой и говорить жень: „Что мнѣ теперь дѣлать: ханъ велитъ сапоги изъ камня шить?“ „А ты сходи да попроси у хана дратву изъ масла да шило изъ воску“, сказала жена. Пошелъ Джеренше къ хану и сталъ просить. „Ханъ ему и говорить: „Какъ же можно сдѣлать дратву изъ масла и шило изъ воску?“—«А какъ же я безъ этого изъ камня сапоги сошью?»—говоритъ Джеренше. Тогда ханъ велѣлъ ему быка сварить, но такъ, чтобъ въ немъ ничего не было, и чтобъ онъ не былъ рѣзанъ. Пришелъ Джеренше домой, рассказалъ жень. Та ему и говорить: „Возьми быка, пой его солонцовой водой и гоняй два дня.“ Джеренше такъ и сдѣлалъ,—и ничего въ быкѣ не осталось. Сварилъ Джеренше быка и сталъ разрѣзать при ханѣ. Ничего въ кишкахъ нѣтъ и быкъ не рѣзанъ, только маленькая травка осталась въ желудкѣ. Джеренше, будто попробовать, захватилъ травку съ мясомъ, отрѣзалъ и съѣлъ, ханъ и не видалъ такъ травки. Далъ послѣ этого ханъ Джеренше девять барановъ и велѣлъ, чтобъ они у него черезъ девять дней по агачу привнесли. Пришелъ Джеренше домой и говорить жень:

„Опять бѣда! Далъ ханъ девять баранъ мнѣ и велѣлъ, чтобъ черезъ девять дней они обьягнились“. — „Это онъ намъ девять баранъ вѣсть далъ.“ — говоритъ жена. Прошло девять дней, велѣла она баранъ заколоть, вымазала кровью руки и идетъ. А ханъ ей навстрѣчу, видитъ, что у ней руки въ крови, да и спрашиваетъ. А она ему и говоритъ: „Джеренше сейчасъ царница родилъ“. — „Это ты говоришь! Развѣ мужикъ родить когда?“ — говоритъ ханъ. „А какъ же ты хочешь, чтобъ тебѣ бараны ягнать принесли?“ — говоритъ она ему. Вернулся ханъ обратно. Рѣшилъ ханъ послѣ этого Джеренше убить, и велѣлъ ему въ дальнюю дорогу на охоту съ собой собираться. Разказалъ Джеренше все своей женѣ. Она сдѣлала изъ своего молока кумысъ, дала Джеренше и сказала: „Самъ не пей, а какъ ханъ захочетъ пить дай ему, онъ тебя тогда не убьетъ“. Поѣхали они. Захотѣлъ ханъ пить, Джеренше далъ ему кумыса напиться. Напился ханъ и сталъ спрашивать, откуда онъ ваялъ такой сладкій кумысъ. Джеренше разказалъ ему. „Теперь она мнѣ мать,“ — сказалъ ханъ, повернулъ обратно и уѣхалъ къ себѣ домой. Джеренше тоже домой воротился вѣдетъ и видитъ, Алдаръ-Госе идетъ. „Куда идешь?“ — спросилъ онъ Алдаръ-Госе. „Въ кокъ—тюба. Посади-ка меня, вмѣстѣ поѣдемъ.“ Джеренше посадилъ Алдаръ-Госе и поѣхалъ. Захотѣлось Джеренше по нуждѣ сходить, слѣзъ онъ съ лошади, а Алдаръ-Госе ударилъ лошадь плетью и ускакалъ. Жена Джеренше увидала Алдаръ-Госе на лошади мужа, вышла изъ аула къ нему навстрѣчу и стала просить, чтобъ онъ посадилъ ее и подвезъ. Алдаръ-Госе слѣзъ и посадилъ ее, но самъ не успѣлъ сѣсть: она уѣхала. Сбѣгала она домой, взяла топоръ, догнала Алдаръ-Госе и отрубила ему голову. Побѣжала она разыскивать Джеренше и нашла его мертваго. Джеренше съ досады, что его Алдаръ-Госе обманулъ, умеръ.

Сказки записаны со словъ киргиза Нуркуша Тарабаева, 16 лѣтъ, уроженца долины Нарыма, живущаго въ д. Быковой, Верхъ-Бухтарминской волости, Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи.